

**“...ДОБИТЬСЯ РАЗРЕШЕНИЯ
НА ВЫЕЗД ИЗ РОССИИ ЕВРЕЕВ”:
ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ЕВРЕЙСКОЙ
ПАЛЕСТИНЫ И СССР
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Михаил АГАПОВ

Тюменский государственный университет

magapov74@gmail.com

Накануне Второй мировой войны положение “еврейского государства в пути” резко ухудшилось. Белая книга Макдональда, которую 23 мая 1939 г. утвердил британский парламент, подвела черту под англо-сионистским сотрудничеством, которое началось двадцать два года назад провозглашением декларации Бальфура. Теперь развитие “еврейского национального очага” зависело не от “экономической емкости страны”, как прежде, а от согласия арабского населения Палестины¹. В ответ на английский демарш Сионистская организация (далее СО) начала налаживать нелегальную иммиграцию евреев в Палестину – гаа-палу (ивр. “дерзание”). Основной поток нелегальных иммигрантов шел из Германии и стран Восточной Европы, прежде всего Польши, Венгрии и Румынии, где проживала четверть мирового еврейства. Однако из-за раздела Польши между СССР и Германией в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова–Риббентропа в сентябре 1939 г., а также и из-за присоединения к СССР прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. сионистское движение лишилось массовой базы, и его организационные структуры в Восточной Европе развалились. Запрет “эмиграции евреев... из старого рейха, Остмарка,

Генерал-губернаторства и Протектората Богемии и Моравии”, введенный указом начальника РСХА Р. Гейдриха от 25 октября 1940 г., замкнул кольцо изоляции вокруг “еврейского национального очага”². “Жизнью над бездной” назвал английский исследователь еврейской Палестины М. Гилберт период ее истории 1939–1942 гг.³

В этой ситуации руководство международного сионистского движения начало налаживать контакты с советским правительством. По данным СО, к этому времени еврейское население СССР составляло почти 5 млн. человек⁴. Теперь сионисты рассчитывали создать еврейское государство в Палестине, если туда прибудет по крайней мере часть евреев из СССР. Данная статья исследует развернувшуюся в годы Второй мировой войны борьбу сионистского руководства за разрешение на выезд в Палестину для евреев СССР.

Первую попытку установить контакт с Москвой Еврейское Агентство (далее ЕА⁵) предприняло осенью 1940 г., когда под его эгидой учредили специальный комитет по налаживанию связей с евреями Польши, прибалтийских государств и Бессарабии, которые оказались в пределах новых границ СССР. Однако, несмотря на предпринятые усилия, комитету ЕА не удалось отправить в Москву свою делегацию⁶. В феврале 1941 г. находящийся в Лондоне президент СО Х. Вейцман зондировал возможность установить контакты с советским правительством. 3 февраля 1941 г. советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: “На днях у меня был неожиданный гость: известный лидер сионизма доктор Вейцман”⁷. Оба участника этой беседы определили ее в своих отчетах как “очень интересную”. Однако систематические переговоры между представителями “еврейского национального очага” и Москвы смогли открыться только после нападения Германии на СССР.

Сталинское руководство рассматривало международное сионистское движение, прежде всего, как эффективный канал влияния на умонастроения зарубежной общественности. В частности, Кремль усиленно добивался, чтобы США удовлетворили его заявки на поставки в СССР военных материалов, необходимых для Красной Армии. В Москве знали, что, в отличие от Великобритании, в США по-прежнему были сильны позиции деятелей, выступавших против сотрудничества с СССР. Осе-

нию 1941 г. на встрече с председателем правления ЕА Д. Бен-Гурионом И. М. Майский сказал будущему первому премьер-министру Израиля: “Вы едете в Америку. Вы окажете нам большую услугу, если доведете до сознания американцев проблему срочности оказания нам помощи, нам нужны танки, пушки, самолеты – как можно больше, и, главное, как можно скорее”⁸. Именно в это время Х. Вейцман во время очередного визита в советское посольство в Лондоне дал Майскому понять, что “американское еврейство, если оно будет надлежащим образом стимулировано”, сможет эффективно воздействовать на общественное мнение в США, чтобы советско-американское сотрудничество установилось. Это заявление президента СО советский посол в тот же день передал в Москву с пометкой “Совершенно секретно. Немедленно”⁹.

Одновременно Лондонское бюро ЕА выдвинуло советскому правительству требования, известные по имени сформулировавшего их сотрудника бюро Дж. И. Линтона как “меморандум Линтона”: “Во-первых, освобождение арестованных или сосланных российских сионистов; во-вторых, общее разрешение [для советских граждан] на эмиграцию в Палестину; в-третьих, учреждение [в СССР] представительства ЕА; в-четвертых, разрешение на проведение [в СССР] сионистских культурных мероприятий; в-пятых, разрешение на изучение и преподавание иврита [в СССР]”¹⁰.

Важнейшим требованием “меморандума Линтона” являлось возрождение сионистской деятельности в Советском Союзе. Выполнение этого пункта должно было обеспечить “исход” советских евреев в Палестину. Линтон полагал, что в сложившихся условиях “вероятно, можно будет добиться разрешения на выезд из России для евреев, желающих иммигрировать в Палестину, [если] это... не будет сопровождаться какой-либо пропагандой”¹¹. Сионистские общественные группы призывали ЕА использовать новую ситуацию, чтобы усилить давление на советское правительство и добиться разрешения “всем желающим иммигрировать в Палестину”¹².

По-видимому, первоначально рассматривались и другие варианты “освобождения” евреев СССР. Осенью 1940 г. при ЕА был создан Комитет по делам российского еврейства, который должен был налаживать связи

с еврейскими массами в СССР, помогать арестованным НКВД сионистам и организовывать пути нелегальной еврейской эмиграции из СССР в Палестину. Однако реальные возможности Комитета явно не позволяли ему справиться с поставленными задачами. Для их решения представителям СО необходимо было выйти на официальный контакт с Москвой.

Следует заметить, что высшее руководство СО оценивало возможности возродить сионистскую деятельность в Советском Союзе довольно пессимистично. Х. Вейцман вообще считал советских евреев потерянными для сионистов. “Если в вашей стране сохранится нынешний режим, – говорил он в феврале 1941 г. Майскому, – то советские евреи ассимилируются... они войдут как неотъемлемая составная часть в общее русло русской жизни. Мне это может не нравиться, но я готов с этим мириться”¹³. Директор Политического департамента ЕА М. Шерткок рассчитывал только на “жест доброй воли” советского правительства в виде “освобождения [из ГУЛАГа] для переезда в Палестину хотя бы трех тысяч евреев, двух тысяч, даже одной тысячи”¹⁴.

Трудящиеся “еврейского национального очага” в годы войны неоднократно обращались с призывом к советскому правительству “разрешить [советским] евреям, не занятым военно-трудовым напряжением, выехать в Палестину”, с тем чтобы “работая здесь... они принесли значительную пользу нашему общему делу”¹⁵. Многие из них искренне полагали, что “тяжелые испытания войны ликвидируют накопившиеся в результате прошлого периода печальные недоразумения, разрушат ряд средостений, сблизят государства и народы и объединят рассеянные и изолированные части многострадального еврейского народа”, говоря словами секретаря исполкома Всеобщей федерации еврейских рабочих Эрец-Исраэль (ивр. Гистадрут, т. е. “федерация”) и члена президиума созданной в 1942 г. в еврейской Палестине Лиги помощи СССР (Лига “V”, от английского Victory) А. Цизлинга¹⁶.

Наиболее адекватно советскую политику в отношении сионизма оценил в январе 1942 г. сотрудник Политического департамента ЕА Э. Эпштейн: “...несмотря на новые внешнеполитические подходы советского правительства, не произошло никаких изменений во внутренней политике СССР. В то время как расширяется военно-политическое сотрудни-

чество с демократическими государствами, Сталин усиливает контроль над умонастроениями внутри СССР, чтобы избежать отклонений от генеральной линии и ‘непонимания’ подлинного смысла этого сотрудничества с режимами, остающимися в глазах коммунистов столь же ‘неприемлемыми’, как они были до нападения немцев на Россию. Планируя те или иные операции по отношению к Советской России, мы не должны тешить себя иллюзиями. Мне представляется ошибочным мнение, будто ситуация изменилась и мы имеем какие-то новые возможности в плане разрешения сионистской деятельности в СССР”¹⁷.

Действительно, еще в самом начале обсуждения “меморандума Линтона” первый секретарь посольства СССР в Великобритании К. В. Новиков совершенно четко заявил: “Советский Союз не может допустить существование на своей территории каких-либо политических движений”¹⁸. Важно отметить, что советское правительство тщательно скрывало свои контакты с СО от собственных граждан. Так, когда опубликовали заявление о целях Лиги “V” в печатном органе Еврейского антифашистского комитета в СССР “Эйникайт”, был опущен параграф о приверженности Лиги делу сионизма. На направленный Лигой в Москву протест по этому поводу ответа не последовало. В Кремле, по всей видимости, опасались, что в СССР евреи могут истолковать переговоры советского правительства с СО как признание целей и задач сионизма.

Советские дипломаты сразу же блокировали любые попытки представителей СО обсудить вопрос об освобождении сионистов, арестованных в СССР до сентября 1939 г. Послы СССР, в частности И. М. Майский, К. А. Уманский, М. М. Литвинов, С. А. Виноградов и другие сотрудники НКВД СССР, неоднократно заявляли представителям СО летом-зимой 1941–1942 гг., что “в СССР никогда не арестовывали сионистов за их национальные убеждения и стремление репатриироваться в Палестину: арестам подвергались только те люди, которые находились в связи с иностранными политическими организациями, нарушая тем самым советское законодательство, запрещающее установление таких связей без ведома и санкции официальных властей”¹⁹.

Не удалось представителям СО включить в повестку переговоров и вопрос об “освобождении” польских евреев. Советский посол в США

К. А. Уманский заявил, что “евреи – жители территорий, отошедших к России после начала войны, стали гражданами Советского государства и что их подавляющее большинство (95%) довольны своим новым положением. Поэтому нет смысла пытаться решать вопросы от их имени”²⁰.

Летом 1942 г. состоялся первый официальный визит советских дипломатов в Палестину. 22 августа 1942 г. для участия в работе I съезда Лиги “V” в качестве почетных гостей в Палестину прибыли первый секретарь советского посольства в Анкаре С. С. Михайлов и пресс-атташе посольства Н. А. Петренко. Их визит стал крупнейшим событием общественно-политической жизни “еврейского национального очага”. Один из основателей Лиги “V” С. Цирюльников, в будущем руководитель общества советско-израильской дружбы, у которого с посланниками Советского Союза вскоре “установились дружеские отношения и атмосфера полного доверия”, вспоминал: “Они [Михайлов и Петренко] жаловались, что во время их встреч в Еврейском Агентстве и Национальном совете им неизменно предъявляли требования – отпустить евреев из Советского Союза в Палестину, и это вызывало у них возмущение. Они говорили, что евреи Советского Союза входят в многонациональную братскую семью народов, от которой их не следует отрывать”²¹.

Советское руководство последовательно отклоняло любые предложения сионистов, связанные с эмиграцией советских евреев в Палестину. Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский категорически отказался выполнить просьбу политического департамента ЕА и разрешить “престарелым родственникам палестинских евреев, находящимся в СССР, выехать в Палестину” по предоставленным для этого правительством Великобритании ста разрешениям на въезд²².

В 1942 г. сионистское руководство решило отложить вопрос о “возможной репатриации российских граждан” (в том числе польских евреев, принявших советское гражданство) до окончания войны²³. В “Памятной записке об отношениях между сионистским движением и Советской Россией”, переданной в мае 1943 г. представителем ЕА в США Н. Гольдманом президенту Чехословакии Э. Бенешу, говорилось: “...в отношении российских евреев вопрос об эмиграции пока не встает...”²⁴

Главным предметом переговоров между Москвой и СО с этого времени и до осени 1943 г. стала судьба еврейских беженцев, которые не имели советского гражданства и которых в сентябре-октябре 1939 г. германские оккупационные власти изгнали из захваченной вермахтом Польши в “зону интересов СССР”. Уже на первой встрече, положившей начало систематическим переговорам между Москвой и СО и состоявшейся 17 июля 1941 г. в Вашингтоне, представитель ЕА Э. Нойман поставил перед послом СССР в США К. А. Уманским “вопрос о разрешении... тем евреям, которые приехали в Россию из мест, находящихся к западу от... ‘линии Керзона’... выехать в Палестину или другие страны”²⁵. Усилиями германской армии и СС к 1 ноября 1939 г. в советскую сферу влияния из Западной Польши было выдворено от 148 000 до 150 000 польских евреев. 10 ноября 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) образовало по предложению НКВД специальную комиссию, которой руководил Л. П. Берия и которой поручалось “точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их”. По существу, беженцам предлагали выбор: либо “добровольная” вербовка на тяжелые работы на севере и востоке страны и получение советского паспорта, либо принудительная депортация за советско-германскую границу (“обратная эвакуация”). Часть беженцев согласилась стать “добровольцами”, другие – около 25 тыс. чел. – отказались от советского гражданства и потребовали отправить их в Палестину или демократические страны Запада. Вскоре они были возвращены в германскую зону²⁶.

Большая часть беженцев явочным порядком обосновалась в приграничных районах Украины и Белоруссии. 10 апреля 1940 г. решением СНК СССР они были депортированы в Архангельскую область как спецпереселенцы²⁷. Именно об этих евреях, не имевших советского гражданства, и говорил Э. Нойман К. А. Уманскому. 25 января 1942 г. в своем отчете о беседах с послом СССР в Турции С. А. Виноградовым сотрудник Политического департамента ЕА Эпштейн отметил: “...в настоящий момент мы в первую очередь заинтересованы в... репатриации в рамках существующих квот беженцев из Польши, находящихся сейчас в России”²⁸. Требования сионистов отчасти поддержало и английское правительство,

которое выдало квоты на въезд в Палестину на IV квартал 1941 г. в количестве 125 чел. С предложением облегчить выезд евреев из СССР обратился к советскому правительству 6 ноября 1941 г. секретарь английского посольства в Москве Берри, а 18 ноября – посол Криппс. Однако советская позиция по этому вопросу оставалась однозначно отрицательной. Она была изложена в записке заведующего Вторым европейским отделом НКВД СССР Ф. Т. Гусева первому заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому от 20 января 1942 г. и соответствовала, как следует из помет на документе, позиции самого А. Я. Вышинского, который 22 января поручил довести ее до сведения наркома В. М. Молотова²⁹.

Добиваясь разрешения на выезд из СССР “еврейским беженцам из Западной Польши”, представители ЕА выдвигали следующие аргументы. В СССР потенциал “еврейских беженцев” оставался невостребованным, так как “они не смогли адаптироваться к социальным и экономическим условиям [жизни в СССР]”³⁰, но в то же время эти люди были необходимы “еврейскому национальному очагу”. “Работа на оборону и призыв в армию истощили довольно ограниченные ресурсы рабочей силы [еврейской общины Палестины], – отмечала англоязычная сионистская “The Palestine Post” в статье с характерным названием “Нужда в людях” (“Men are needed”) 16 февраля 1942 г. – Основная потребность в настоящее время – это увеличение числа рабочих, особенно квалифицированных... Технически образованные люди необходимы для выполнения бесчисленных военных заданий”³¹. Об остром недостатке рабочих рук в еврейской промышленности и сельском хозяйстве Палестины регулярно сообщала в Москву палестинская референтура Ближневосточного отдела (БВО) НКВД СССР³².

В беседе с первым секретарем посольства СССР в Турции Михайловым 31 августа 1942 г. председатель Национального совета еврейской Палестины И. Бен-Цви назвал три сферы жизнедеятельности “еврейского национального очага”, которые наиболее остро нуждались в новых человеческих ресурсах. В первую очередь, речь шла об укреплении обороны Палестины: “Эти беженцы нужны нам, – объяснял Бен-Цви, – вы [в Москве] говорите о дополнительных усилиях по увеличению военной мощи, которые сейчас так необходимы, – нет смысла заниматься пропа-

гандой, мы все согласны. Но нас слишком мало. До сих пор мы смогли выделить 26 тыс. чел., из них – 17 тыс. на фронт, 7 – в вооруженную полицию, находящуюся под контролем армии, и еще 2 тыс. – в армии союзников... необходимо дать еще”³³. Кроме того, И. Бен-Цви указал на необходимость сдерживать “арабскую угрозу”: “...у нас есть еще один фронт – сейчас настают трудные дни, на нас постоянно нападают арабы, подстрекаемые фашистской пропагандой муфтия. Нам приходится быть все время на страже”³⁴. Наконец, в “еврейских беженцах из Польши”, по словам И. Бен-Цви, остро нуждались промышленный и сельскохозяйственный секторы еврейской общины Палестины: “Все, что нужно, это ваше разрешение этим людям репатрироваться к нам. У нас они тут же встанут к станку и выйдут в поле – и это освободит значительные силы для фронта”³⁵. Примечательно, что в своем отчете президент Национального совета обозначил проблему “еврейских беженцев” как главный вопрос переговоров с советским представителем. Насколько важен он был для сионистов, указывают следующие слова из отчета И. Бен-Цви: “Наш человеческий потенциал слишком мал, он уже почти использован, нам просто необходимы дополнительные человеческие ресурсы”³⁶.

Во-вторых, призывая советское правительство разрешить “еврейским беженцам из Западной Польши” репатрироваться в Палестину, сионисты подчеркивали идеологическую несовместимость “еврейских беженцев” с советской системой: “Многие из них [польских евреев]... представляют собой реальную обузу для России... многим из этих беженцев, таким как раввины, студенты иешив, а также фанатичные молодые сионисты, единственная страсть и идеал которых лишь в том, чтобы посвятить свою жизнь созданию еврейского государства, духовно и идеологически чужды принципы сегодняшней России”³⁷. Наконец, представители СО ссылались на прецедент в июне 1940 г., когда советские власти разрешили 5-и тысячам литовских евреев выехать в Палестину³⁸.

Советские представители признавали справедливость некоторых из этих аргументов. В частности, посол СССР в США К. А. Уманский соглашался, что в ряде случаев “еврейские беженцы” не смогли адаптироваться к социальным и экономическим условиям СССР³⁹. Первый секретарь посольства СССР в Турции С. С. Михайлов признавал, что

стратегически необходимо дополнительно наращивать военную мощь в Палестине⁴⁰. Более того, советское руководство, по-видимому, было готово выпустить “еврейских беженцев” уже летом 1941 г. Это подтверждают прецеденты, на которые ссылались сионисты-переговорщики, а также некоторые высказывания сотрудников НКВД СССР, например, первого секретаря посольства СССР в Великобритании Н. В. Новикова, который допускал возможность “освобождения польских сионистов”⁴¹ как весьма вероятную. Тем не менее просьбы СО об “освобождении еврейских беженцев” Москва удовлетворила только в 1943 г.

То, что советское правительство так затянуло это решение, можно объяснить, на наш взгляд, следующими причинами:

- Во-первых, Москва стремилась извлечь максимальную выгоду из этого “жеста доброй воли”. Следовательно, “освобождение” “еврейских беженцев” могло начаться только после конкретных результатов просоветских действий СО в западных странах, прежде всего в США.
- Во-вторых, начиная с 1942 г. И. В. Сталин непосредственно обсуждал вопрос о “польских евреях” с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. В частности, по свидетельству П. А. Судоплатова, высокопоставленного сотрудника разведывательного управления НКВД, И. В. Сталин пытался оказать давление на “англичан, опасавшихся за свои позиции на Ближнем Востоке и препятствующих массовому переселению евреев в Палестину”⁴²
- В-третьих, советское руководство опасалось, что одновременно с подготовкой выезда “еврейских беженцев” из СССР среди них будет проводиться сионистская пропаганда, которая может вылиться за пределы этого круга и коснуться советского еврейства. Поэтому Москва совершенно четко дала понять СО, что “выезд из России... евреев, желающих иммигрировать в Палестину, не должен сопровождаться какой-либо пропагандой”⁴³
- В-четвертых, многие из “еврейских беженцев” – по различным подсчетам до 12 000 чел.⁴⁴ – прошли через советские исправительно-трудовые лагеря, вследствие чего Москва опасалась, что вместе с ними из СССР выйдут их рассказы о ГУЛАГе.

Все это заставляло сталинское руководство не спешить с отправкой “еврейских беженцев” из страны. Их “исход” из СССР был тесно связан с судьбой так называемой армии генерала В. Андерса. 30 июля 1941 г. советское правительство подписало с польским эмигрантским правительством соглашение, которое восстанавливало между ними дипломатические отношения. Протокол к этому соглашению предусматривал, что советское правительство предоставит амнистию всем польским гражданам, находящимся на советской территории в заключении в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях⁴⁵. Эти и другие польские граждане, оказавшиеся на советской территории, вошли в армию Андерса, сформированную в СССР на основании советско-польской декларации от 4 декабря 1941 г.

Нормализация советско-польских отношений облегчила положение польских евреев в СССР. Об этом со ссылкой на Польское телеграфное агентство сообщала “The Palestine Post”: “...освобождение польских граждан из лагерей Северо-Европейской и Центральной России, а также Сибири ускорилось... их отправляют в Джамбульский район, где сейчас находятся тысячи поляков... Раввины регулярно проводят религиозные обряды для солдат-евреев”⁴⁶. Массовое вступление польских евреев в Армию Андерса вызывало раздражение польского командования. Премьер-министр В. Сикорский и генерал В. Андерс жаловались Сталину: “...среди них [солдат армии Андерса] много евреев, не желающих служить в армии... Среди евреев, вступивших в армию, много торговцев с черного рынка и контрабандистов. Они никогда не будут хорошими солдатами. В польской армии... такие люди не нужны”⁴⁷. В январе 1942 г. генеральный секретарь ИККИ Г. М. Димитров отмечал в своих отчетах замнаркому иностранных дел А. Я. Вышинскому высокий процент евреев в армии Андерса⁴⁸.

Летом 1942 г. правительство В. Сикорского заявило, что отказывается использовать армию Андерса на советско-германском фронте. В конце июля 1942 г. СССР и польское правительство пришли к соглашению об эвакуации армии Андерса из СССР. В этом соглашении, в частности, отмечалось, что “эвакуации подлежат все без исключения соединения, части, подразделения и все солдаты Польских вооруженных сил в СССР, равно как и члены семей военнослужащих в количестве 20–25 тысяч че-

ловек, а всего, считая солдат и членов их семей, 70 тысяч человек”⁴⁹. В июле–августе армию Андерса эвакуировали из СССР на Ближний Восток (в Иран и Палестину). Однако эвакуация евреев – военнослужащих армии Андерса и членов их семей – была задержана⁵⁰.

В конце августа 1942 г. председатель Национального совета еврейской Палестины И. Бен-Цви потребовал от советского правительства ускорить отправку из СССР в Палестину “польских беженцев”, которых, по его данным, насчитывалось до 400 000 человек⁵¹. В начале января 1943 г. директор Политического департамента ЕА М. Шерток от имени правления ЕА направил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому письмо, где говорилось: “ЕА считает, что если бы советское правительство дало принципиальное согласие на выезд определенному числу польских евреев (например, от 3 000 до 5 000 человек, как мужчин, так и женщин), то ЕА представит соответствующий список через посольство Великобритании в Москве для его рассмотрения и утверждения советскими властями... евреи Палестины горячо приветствовали бы – как жест доброй воли и знак поддержки – согласие советского правительства разрешить ограниченному числу польских евреев, находящихся в настоящее время в СССР, подкрепить усилия палестинских евреев, направленные на обеспечение победы в войне”⁵². Подобные настойчивые просьбы от правления ЕА поступали в посольство СССР в Великобритании вплоть до осени 1943 г.⁵³

В этот период сионисты заручились поддержкой правительств Великобритании, США, Польши и Чехословакии, лоббировавших их интересы в вопросе о польских евреях в СССР. 18 июля 1942 г. У. Черчилль направил И. В. Сталину послание (согласованное, как указывалось в нем, с Ф. Рузвельтом) следующего содержания: “Я уверен, что было бы в наших общих интересах... если бы три польские дивизии [армия генерала Андерса]... объединились со своими соотечественниками в Палестине... Я надеюсь, что... проект, который мы высоко ценим, не будет не претворен в жизнь из-за того, что поляки захотят отправиться вместе с войсками значительное число своих женщин и детей, которые в основном существуют на пайки польских солдат”⁵⁴. К концу лета 1942 г. польских военнослужащих армии генерала В. Андерса и

членов их семей эвакуировали из СССР на Ближний Восток. “Сталин передал нам 60 000 поляков с 30 000 членов семей”, – сообщил 14 сентября 1942 г. У. Черчилль Ф. Рузвельту⁵⁵. Всего из Советского Союза было выведено через Иран в Палестину 114,5 тыс. военнослужащих армии Андерса и членов их семей⁵⁶. Следовательно, с сентября 1942 г. по май 1943 г. на советско-иранской границе должно было оставаться еще около 25 000 солдат в польской форме и членов их семей. Это были в основном польские евреи, вступившие в 1942–1943 гг. в армию Андерса, чтобы выбраться вместе с ней из СССР в Палестину⁵⁷. Их скорейшей эвакуации У. Черчилль предлагал добиться следующим путем. В послании Ф. Рузвельту от 14 сентября 1942 г., которое мы уже цитировали, английский премьер писал: “Если мы сможем твердо предложить что-нибудь [И. В. Сталину]... то одновременно можно будет попросить о некоторых одолжениях для поляков... Повсюду в России среди них имеется много таких, кто находится, так или иначе, в затруднительном положении. Я полагаю, что мы можем одним выстрелом убить двух зайцев”⁵⁸. Однако только в начале мая 1943 г. И. В. Сталин дал ответ: “Что же касается польских подданных в СССР, количество которых невелико... то Советское Правительство и раньше не ставило препятствий к их выезду из СССР”⁵⁹.

В конце мая представитель ЕА Н. Гольдман просил президента Чехословакии Э. Бенеша довести до советского правительства в этой связи следующее: “Существуют веские основания для удовлетворения нашей просьбы, передававшейся неоднократно через послов Советской России в Лондоне и Вашингтоне, о предоставлении ряду польских евреев выездных виз для иммиграции в Палестину... поскольку Европа, оккупированная нацистами, плотно закрыта для иммиграции, то основным источником дополнительной рабочей силы для Палестины являются польские евреи из Советской России, особенно та их часть, которая сконцентрирована в областях, расположенных в непосредственной близости к Ирану (Ташкент, Самарканд и т. д.), откуда они могли бы легко попасть в Иран и Палестину... Для Палестины это было бы чрезвычайно важно с точки зрения экономики и к тому же приветствовалось бы евреями во всем мире как жест дружелюбия и доброй воли”⁶⁰.

В итоге весной 1943 г. из СССР в Иран и далее в Ирак были выведены остатки армии Андерса. По информации ГПУ РККА, полученной в сентябре 1943 г. в ходе “политического опроса” польских солдат-дезертиров из армии Андерса, уже “в июне [1943 г.] после заключения договора между Англией и Ираком о выводе частей польской армии из Ирака, польские дивизии начали передислоцироваться в Палестину”. В основном это были военнослужащие-евреи и члены их семей. Так, в декабре 1943 г. сотрудник ГПУ РККА докладывал начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, что “в частях [армии Андерса, дислоцированной в Ираке] много евреев... К евреям отношение различное. В тех частях, где евреев немного, их не выделили из числа поляков и относились так же, как и к полякам. В тех частях, где процент евреев значителен – отношение к евреям значительно хуже”. В том же докладе сообщалось, что “евреи в массе не хотят служить в польских частях”, “среди военнослужащих-евреев нередки случаи массового дезертирства”, “евреи бегут в Палестину”. При этом, как следует из доклада ГПУ РККА, свою жизнь в Палестине польские евреи устраивали по-разному: одни “поступали в еврейские части, формируемые англичанами в Палестине”, другие “скрывались среди еврейского населения [Палестины], поступая рабочими в еврейские хозяйства”⁶¹.

Стремление сионистских лидеров наладить связь с советским еврейством, а тем более их настойчивые просьбы разрешить евреям выезд из СССР в Палестину вызывали, как уже было отмечено выше, крайнее недовольство Москвы на протяжении всей войны. С 1944 г. позиция советского правительства по этому вопросу стала еще более категоричной. На завершающем этапе войны сталинское руководство все реже использовало для морально-политической мобилизации населения характерную для 1941–1944 гг. (вплоть до выхода Красной армии на границу СССР) национально-патриотическую риторику, где звучал и голос представителей советского еврейства. Своим новым *credo* сталинская пропаганда избрала идею “советского патриотизма”⁶². Одновременно с этим в 1944–1945 гг. были заложены основы политики, боровшейся с “низкопоклонством перед Западом” и “космополитизмом”.

Следует констатировать, что в отношениях с Москвой руководству “еврейского национального очага” не удалось решить ни одной из поставленных им в этом направлении задач: СССР не разрешил представителям ЕА вести какую-либо деятельность на своей территории; не позволил ЕА распространять информацию о еврейской Палестине среди советских евреев; категорически отказался обсуждать вопрос о возможности выезда советских евреев в “землю обетованную”.

---

¹ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. London, 1939. Pp. 8–9.

² Указ начальника РСХА Р. Гейдриха от 25 октября 1940 г. / Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995. Ч. 3. С. 61.

³ Gilbert M. Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood. London, 1978.

⁴ Письмо президента СО Х. Вейцмана послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 2 марта 1942 г. / Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т. I: 1941–1953. Кн. 1: 1941 – май 1949. Москва, 2000. С. 40.

⁵ Еврейское Агентство для Палестины, известное также по первому слову названия на иврите как Сохнут (ивр. “агентство”), в 1920–1940-х гг. являлось исполнительным органом СО и по существу правительством, готовившим создание государства Израиль. Штаб-квартира ЕА находилась в Иерусалиме.

⁶ Gorodetsky G. The Soviet Union’s Role in the Creation of the State of Israel // The Journal of Israeli History. 2003. Vol. 22. № 1. P. 5.

⁷ Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 15.

⁸ Запись беседы председателя Правления ЕА Д. Бен-Гуриона с послом СССР в Великобритании И. М. Майским. 9 октября 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 24.

⁹ Телеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР. 2 сентября 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 21.

¹⁰ Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 20.

¹¹ Там же.

¹² Письмо организации “Маген” (ивр. “Щит”) директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 18 июня 1942 г. / Советско-израильские отношения. С. 45.

¹³ Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Май-

ского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941 г. С. 16. Представление, что “советские евреи не настоящие евреи... в смысле их ассимиляции”, по-видимому, было достаточно широко распространено в еврейских кругах за рубежом. См.: Допрос подседимого И. С. Фефера / Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета). Москва, 1994. С. 28.

¹⁴ Сообщение директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И. М. Майским на заседании исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. / Советско-израильские отношения. С. 72.

¹⁵ Телеграмма Сталину. Приветствие, принятое 49-й сессией Совета Всеобщей Федерации еврейских рабочих Палестины / Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 118. Оп. 1. П. 1. Д. 10. Л. 46.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С. А. Виноградовым. 25 января 1942 г. / Советско-израильские отношения. С. 38.

¹⁸ Слова первого секретаря посольства СССР в Великобритании К. В. Новикова. Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К. А. Уманским. 17 июля 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 18.

²¹ Цирульников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. № 42. С. 181.

²² Записка заведующего Средневосточным отделом НКВД СССР С. И. Кавтарадзе первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому. 31 декабря 1941 г. / Советско-израильские отношения. С. 26.

²³ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С. С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н. А. Петренко. 31 августа 1942 г. / Советско-израильские отношения. С. 52.

²⁴ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. / Советско-израильские отношения. С. 79.

²⁵ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) М. Перлцвейга с послом СССР в США К. А. Уманским. 17 июля 1941 г. С. 18.

²⁶ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Москва, 2001. С. 187–189.

- ²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 117. Д. 158. Л. 102–103, 104.
- ²⁸ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С. А. Виноградовым. 25 января 1942 г. С. 28.
- ²⁹ Записка заведующего Вторым европейским отделом НКВД СССР Ф. Т. Гусева первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому. 20 января 1942 г. / Советско-израильские отношения. С. 27–28.
- ³⁰ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К. А. Уманским. 17 июля 1941 г. С. 18.
- ³¹ The Palestine Post. 1942. February, 16.
- ³² АВР РФ. Ф. 118. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 15, 33, 45.
- ³³ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С. С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н. А. Петренко. 31 августа 1942 г. С. 51. Ср.: Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Иерусалим, 1944. С. 6.
- ³⁴ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С. С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н. А. Петренко. 31 августа 1942 г. С. 51.
- ³⁵ Там же. С. 52.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. С. 81.
- ³⁸ Там же. С. 82. О проблеме литовских евреев см.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. С. 190.
- ³⁹ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К. А. Уманским. 17 июля 1941 г. С. 18.
- ⁴⁰ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С. С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н. А. Петренко. 31 августа 1942 г. С. 52.
- ⁴¹ Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. С. 20.
- ⁴² Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. Москва, 1998. С. 460.
- ⁴³ Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. С. 20.
- ⁴⁴ Исторические сборники “Мемориала” / Репрессии против поляков и польских граждан. Москва, 1997. С. 88–89.

- ⁴⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. Москва, 1973. С. 208.
- ⁴⁶ The Palestine Post. 1942. February, 17.
- ⁴⁷ Цит. по: Бегин М. В белые ночи. Иерусалим, 1991. С. 290–291. Вероятно, в результате этой беседы 25 декабря 1941 г. было принято специальное постановление ГКО “О польской армии на территории СССР”, которое указывало, что в армию могут призываться граждане польской национальности, проживавшие до 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, при этом подчеркивалось: “...граждане других национальностей, проживавшие на этих территориях, призыву в польскую армию не подлежат” (Z archiwów sowieckich. Т. 2. Armia Polska w ZSSR, 1941–1942. Warszawa, 1992. S. 45).
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Л. 23.
- ⁴⁹ Климовский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. Москва, 1964. С. 249.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Л. 23.
- ⁵¹ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С. С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н. А. Петренко. 31 августа 1942 г. С. 52.
- ⁵² Письмо директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 19 января 1943 г. / Советско-израильские отношения. С. 67.
- ⁵³ См.: Сообщение директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И.М. Майским на заседании исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. С. 72.
- ⁵⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). Москва, 1986. С. 66–67.
- ⁵⁵ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Москва, 1995. С. 290.
- ⁵⁶ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. Москва, 1985. С. 50.
- ⁵⁷ Бегин М. В белые ночи. С. 289–295.
- ⁵⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 290.
- ⁵⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 151.
- ⁶⁰ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. С. 81–82.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 159. Л. 91, 95.
- ⁶² Синицын Ф. Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С. 50.

Abstract**Mikhail Agapov. “...To Obtain the Permission to Leave Russia for the Jewish People”: A Case from the History of the Relation between Jewish Palestine and the USSR during World War II.**

The first diplomatic contacts between Jewish Palestine and the USSR occurred during World War II. The Soviet–Zionist cooperation based on the common fight against Nazism contributed to the development of their comprehensive interaction. Some Zionist leaders considered that under these circumstances the ideological difference between Communism and Zionism could be bridged.

From the point of view of the Jewish Palestine leadership, the most important aspect of the Soviet–Zionist dialogue was the issue of granting the right to emigrate to Soviet Jewish. However, the Soviet government turned down all Zionist proposals of this matter. A compromise was achieved only with respect to stateless Jewish refugees who had been evicted from the occupied Poland to “the area of Soviet interests” by the German army in 1939. Large portions of these Jewish refugees left the USSR into Anders army in 1942–1943.

The leaders of Jewish Palestine were unable to achieve any of the tasks set with regard to Moscow on the whole: the Soviet government refused the Zionist Organization to effectuate activity in the USSR; did not allow to propagandize any information about Jewish Palestine among Soviet Jewish and adamantly refused to discuss the permission to leave the USSR for Soviet Jewry.